

УДК 1(091)

ДВА ИСТОЧНИКА ФИЛОСОФИИ (О КОНЦЕПЦИИ АНРИ ГУЙЕ)

Кротов Артем Александрович — доктор философских наук, заведующий кафедрой истории и теории мировой культуры, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. E-mail: krotov@philos.msu.ru

В статье анализируются основные положения историко-философской концепции Анри Гуйе, одного из лидеров французской традиции исследования классического интеллектуального наследия. Рассматриваются предложенные французским мыслителем решения проблемы сущности философии, ее главных источников, закономерностей ее развития. Затрагивается учение Гуйе о способах рационализации реальности, о ближайших перспективах философии, ее связи с языком. Несомненно, в работах Гуйе нашли отражение темы и решения, сохраняющие свое значение для современной эпохи. К таковым правомерно отнести идею своеобразия, исторической неповторимости философского опыта; внимание к элементу случайности в истории философии; соображения о критериях отличия философии от других наук; о многомерности проблемы прогресса в истории. В то же время учение о двух важнейших источниках философии существенно сужает горизонт ее интерпретации. Очевидно, что влияние культурной среды только ими не ограничивается. Отвергая линейную схему развития философии, Гуйе фактически принимает идею самодостаточности интеллектуальной сферы, хотя и старается доказать, что только имманентная логика развития событий в истории философии неприменима. «Феноменология философского духа» Гуйе оказывается неполна: она требует дополнений и корректировки.

Ключевые слова: философия истории философии, природа философии, Анри Гуйе, проблема прогресса в философии, французская философия XX века.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-418-422

В середине XX в. во Франции работала целая плеяда чрезвычайно талантливых исследователей, посвятивших свои силы изучению классического философского наследия. В их трудах анализ отдельных проблем, эпох, направлений был неразрывно связан с разрабатывавшимися ими оригинальными концепциями историко-философского процесса. Хотя эти концепции не были единым целым, а их авторы не принадлежали к общему течению, контуры которого могли бы быть легко очерчены и сведены к итоговой формуле, их работы дали повод зарубежным специалистам говорить об особой «школе философии истории философии», сложившейся во Франции. Решения, предложенные представителями «французской школы», выступили определенным итогом, обобщением целой серии глубоких исследований, своеобразно отражая особенности философского сознания эпохи. Разумеется, с точки зрения сегодняшнего дня особое

значение имеет вопрос о степени применимости их концептуальных достижений к анализу историко-философского процесса.

Среди несомненных лидеров «французской школы» историков философии выделяется Анри Гуйе (1898–1994). Он закончил Эколь Нормаль, преподавал в лицее Труа, затем в университете Лилля (с 1936) и, наконец, в Сорбонне (с 1948). В 1961 г. Гуйе становится членом Академии моральных и политических наук, а с 1979 г. — французской Академии. Среди его важнейших произведений: «Религиозная мысль Декарта» (1924), «Призвание Мальбранша» (1926), «Философия Мальбранша и его религиозный опыт» (1926), «Юность Огюста Конта и формирование позитивизма» (т. 1–3, 1933–1941), «Философия и ее история» (1944), «Театр и экзистенция» (1952), «Метафизическая мысль Декарта» (1962), «Метафизические размышления Жан-Жака Руссо» (1970), «Антонен Арто и сущность театра» (1974), «Картезианство и августинианство в семнадцатом веке» (1978), «Руссо и Вольтер. Портреты в двух зеркалах» (1983).

Всякая философия, согласно Гуйе, выступает выражением целостного, «интегрального» видения мира. Великий мыслитель вносит нечто свое в понимание философии, зачастую выдвигает особое ее определение, уже заключающее в себе то или иное мировосприятие. Философия, по Гуйе, выражает не застывшую сущность, но определенный опыт, она служит своего рода описанием человеческого существования. В таком случае прошлое предстает в качестве области, охватывающей факты, установки, мотивы, побуждающие к построению «феноменологии философского духа». Такова история философии. «Философия есть видение мира, и имеются разные философии, поскольку философы не видят один и тот же мир» [1, 12–13]. Французский мыслитель полагал, что подлинные расхождения между философами, в действительности, всегда предшествуют их учениям, они проистекают из различия в их жизненном опыте, коренятся уже в начальных условиях, в тех исходных данных, которые ими подвергаются переработке и осмыслению. Он остроумно замечает, что история философии была бы давно завершена, если бы

люди от рождения обладали умением схватывать реальность «какова она есть». Когда философы мыслят вселенную, она неодинакова для них, их творчество умножает оригинальные точки зрения на нее. Само многообразие философских позиций отнюдь не случайно, не произвольно, оно поддается анализу и систематизации. Гуйе выделяет два источника философии, которые, сами не будучи статичными, выступают основой непрерывных изменений в духовной сфере, способствуют рождению новых идей, систем, направлений. Философия – не замкнутая, самодостаточная сфера, будто бы подчиненная только имманентным законам. Ее историю определяют развитие научного знания и «вдохновения религиозного гения». Оба источника философии и побуждают к обновлению, регулярному пересмотру взгляда на реальность, к постоянному выпуску его «исправленных изданий». Великие философы никогда не исходят из одних и тех же данных, их исторические ситуации различны, отсюда неизбежность расхождений между ними. Метафизические системы не порождают друг друга, они возникают вследствие своего рода «открытия мира», всякий раз неповторимого, особенного и захватывающего. Гениальная система – всегда результат непредсказуемого заранее в своих результатах столкновения мыслителя с реальностью. Например, Спинозизм можно рассматривать как учение, логически связанное с картезианством, но если бы Спиноза умер, будучи ребенком, система, называемая сегодня его именем, никем не была бы выдвинута. В этом случае картезианство осталось бы без своего продолжения, воспринимаемого многими историками философии как неизбежное. Таким образом, Гуйе отвергает картину прошлого, в котором господствует необходимость, замыкающая теоретические формы мысли только на взаимодействие друг с другом.

Новизна в философии связана с достоверностью, открывающей разуму возможность особого взгляда на мир, прежде не встречавшегося. «Вселенная, заново воссозданная наукой, человек, возрожденный верой, таковы два постоянно возобновляемых источника философской мысли» [1, р. 18]. В рассуждениях Гуйе легко увидеть бергсонские мотивы, он отмечает непредвиденность событий в истории философии, говорит о «жизненном порыве», движущем мышлением философа. Влияние философского учения он уподобляет разветвлению единого потока, отличая его от ограниченного, линейного воздействия. «Одним словом, философия не живет своей собственной субстанцией. Она имеет свои средства, свои методы, свою область;

она не является ни наукой, ни синтезом наук; она не является ни религией, ни преобразованием религии; но ее жизненный порыв – научного или религиозного происхождения» [1, р. 18]. Но все-таки Гуйе не стремился ученически перенести интуитивистскую модель историко-философского процесса на те системы, которые стали предметом его специального профессионального интереса, поэтому «чистым бергсонянцем» его считать нельзя.

В структуру философии входит изменчивый элемент, что и побуждает ее к постоянной трансформации: представление о мире в культуре той или иной эпохи. Конечно, решающую роль в формировании упомянутого представления Гуйе отводил развитию наук и «вдохновениям религиозной души». Картезианство неотделимо от математической физики, а материализм Дидро или бергсонизм – от уровня развития биологии в XVIII и XIX вв. С другой стороны, опыт человека, воспринимавшего себя обновленным через веру, существенно влиял на философское видение мира, что подтверждает пример Паскаля или Мальбранша. Философ может заимствовать у своего предшественника систему понятий, способ рассуждения, но не переживаемый опыт. Поэтому одна система не может полностью сводиться к другой, обнаруживать в ее теоретических особенностях единственную причину своего появления. Отсюда история философии – не движение по прямой, а скорее серия разрывов и расхождений.

Идеал философии, ее «жизнь» связаны с рационализацией реальности. Философия предполагает напряженную работу, ее деятельность направлена на осмысление имеющихся в ее распоряжении данных. Французский историк мысли выделяет два способа рационализации мира, соответственно, два методологически различных подхода внутри философии. Один направлен на объяснение, другой – приближение к реальности. В первом случае философы стремятся обнаружить принципы бытия за пределами непосредственно данного, их исходный пункт – реальность, которую, как предполагается, недостаточно видеть, необходимо проникнуть в ее истинную сущность, за внешний покров. Второй подход, напротив, признает возможность прямого контакта с сутью бытия, но настаивает на том, что главная трудность – выработать непредвзятый, объективный взгляд на вещи, способный охватить их в правильной перспективе. Два тактики, два пути рационализации мира: истину «доказывают», реальность «показывают». Историк философии подчеркивал, что обозначенное им различие не следует абсолю-

тизировать; два подхода могут переплетаться, соединяться, сочетаться разными способами. Для Гюйе они обозначают не типы законченных систем, но, главным образом, направленность, способы мышления, выявляемые в истории, во всем разнообразии известного метафизического опыта. При этом он настаивал, что исследование психологических аспектов личности философа, так же как и теоретических источников его учения, нисколько не может понизить или повысить рациональную ценность его системы.

Гюйе выделял два подхода к истории в целом, которые считал применимыми и в сфере развертывания философских идей. Оба подхода – в равной степени «законны и необходимы». Один нацелен на восприятие событий в свете ключевых фактов последующей истории, другой концентрируется на том, как оценивали их современники. В первом случае стремятся выработать целостный взгляд на непрерывную цепь событий, во втором – прочувствовать их изнутри, приблизить к себе, ощутить их непосредственное присутствие.

Гюйе считал возможным говорить о будущем философии, но лишь о ближайшем, о непосредственно открывающихся для нее перспективах. Его подход чужд претензиям на формулировку окончательных положений, призванных составить основу некоей итоговой философской системы. Сама по себе конечная точка в философском развитии им не предусматривалась. Ближайшее же будущее вполне определено, на его взгляд, вырисовывалось в результате рассмотрения тех событий и связанных с ними последствий, которые способствовали возникновению современной интеллектуальной культуры. Различные варианты «философии свободы» закономерно ведут к экзистенциализму, особому видению мира, подготовленному «ужасающим кризисом», начавшимся в 1914 г. Когда само существование оказывается под вопросом, неизбежно происходит пересмотр философских установок. В философии происходит очередное смещение центра тяжести: для современности главным становится вопрос о личности. Именно этот вопрос, по мысли Гюйе, и задает ближайшую перспективу философских исследований. Конечно, Гюйе признает, что личность – отнюдь не открытие XX столетия. Но он настаивает на том, что именно XX в. взглянул на нее по-особому, придав остроту и новизну проблеме, обнаружил ее неизвестные ранее грани. На смену трактовки человека как «мыслящего животного» приходит принципиально иное его понимание – как творщей личности, погруженной в историю, в конкретные события, не поддающиеся абстрактной, вневременной схематизации.

Большое значение Гюйе придавал проблеме прогресса в истории философии. На его взгляд, не подлежит сомнению, что в истории науки и философии ситуация складывается прямо противоположным образом. Научные теории устаревают и вытесняются новыми, в философии прежние учения сохраняют свое значение. В этом смысле система Бергсона не выше учений Платона или Декарта, не отменяет, не превосходит их. Было бы ошибкой считать, что последующие философы всегда «видят дальше» своих предшественников. «В философии хронология не является критерием истины» [2, р. 71]. Исторический горизонт расширяется по мере перехода от одной эпохи к другой, вбирая в себя все новые оригинальные философские сочинения, он наполняется дополнительными смыслами, обогащается неповторимыми приобретениями. Неповторимость каждой эпохи приводит к тому, что оказывается невозможным, к примеру, философствовать, следуя букве Декарта после Канта, хотя отсюда и не вытекает, будто кантианство «более истинно», чем картезианство. Если пытаться применять к философии критерии развития науки, в ее истории не остается места прогрессу. Но поскольку подобные критерии к ней неприменимы, вопрос о прогрессе сохраняет свой смысл, только его следует искать, отталкиваясь от понятия развития в культуре. «Но, в той мере, в какой философия есть созидание, которое сближает ее с искусством, философ есть человек, который мыслит в мире все более и более богатой культуры» [3, р. 114]. Увеличение числа уникальных произведений, подлинных шедевров в области философии – своего рода символ прогресса; мир культурного бытия философов непрерывно расширяется, выходит за прежние границы. «Как музыкант существует и творит в мире музыкантов <...> философ существует и мыслит в мире философов <...> Однако каждый из этих миров – история, и каждая из этих историй как бы капитал, постоянно умножающийся. Подобное приумножение есть именно прогресс, весьма отличный, тем не менее, от того, что рисует история науки» [2, р. 73]. Мир культуры – непрерывное творчество, изобретение, расширение и обогащение; именно в этой среде живет и созидает философ. История философии – не случайная коллекция, состоящая из отдельных, легко изолируемых монографий. Авторы книг взаимодействуют, в том смысле, в каком Декарт неотделимо присутствует в интеллектуальной вселенной Канта и т.п.

Используемый язык уже погружает философа в некую, исторически обусловленную, культурную среду. «Всякий язык как бы пронизан

философией: самые банальные наши фразы постулируют, что вне нас существует внешний мир и даже что наши зрительные образы являются его фотографией; имеется, таким образом, дорефлексивный реализм, быть может, также дорефлексивный анимизм. Но философ пользуется не только повседневным языком: в среде, куда вводит его слово, он находит один или несколько словарей, введенных в употребление предшествовавшими ему философами» [4, р. 334]. Внутренняя для философа культурная среда – как бы пространство жизни его системы, своего рода «историческое бессознательное». При этом какое-то, пусть и неявное, отношение к прежней философской традиции присутствует в уме любого великого мыслителя, он ставит своей целью не повторение уже давно известного, но сообщение чего-то нового и исключительно важного.

Гуйе неоднократно предостерегал против превращения истории философии в философию истории. Такого рода превращение происходит, когда принимают за не подлежащие сомнению некоторые схемы развертывания событий, предполагающие их заданную направленность. Принимается идея линейной направленности событий, приводящей к понятной философу цели. «И вместе с непрерывностью навязывается род необходимости, который очаровывает разум: в ретроспективном видении события или мысли развертываются согласно порядку, выражающему определенную логику, логику идей или логику чувств, логику, выражающую природу вещей, или логику, развивающую следствия факта, неважно: полное объяснение оставляет ощущение того, что все произошедшее не могло не произойти» [5, р. 134]. Такая установка игнорирует случайность, пытается ее не замечать, хотя она, несомненно, присутствует в истории. Конечно, признает Гуйе, выдвинутая великими мыслителями, любая философия истории достойна внимания, побуждает к размышлениям, ставит новые проблемы и теоретические задачи. Но при этом несет и опасности, поскольку стремится подменить собой историю. Именно использование ретроспективного видения для объяснения всего, что было и будет, представляет собой такого рода подмену. Гуйе не предлагает совсем отказаться от ретроспективного видения, но заявляет о необходимости осознавать его границы и недостатки.

Марсиаль Геру с полным основанием выделял в качестве отличительной черты концепции Гуйе «неприятие абстрактной истории систем», вытекающее из установки рассматривать философские учения в связи с исторически определенным видением мира [6, р. 1072]. Жан-Луи

Вьейар-Барон справедливо подчеркивал, что Гуйе применял в своих исследованиях «метод психологического проникновения, сильно документированный исторически» [7, р. 2454]. В стиле XVII в. Дениза Ледюк-Фейет характеризует творчество Гуйе как соединение «духа геометрии с духом изящества» [8, р. 641]. Ирина Блауберг, в свою очередь, приходит к убедительному заключению: «акцент на личности философа, его опыте, отраженном в мысли, безусловно, роднит Гуйе с экзистенциалистами и составляет отличительную особенность его историко-философской позиции, ярко проявившуюся в его конкретных исследованиях» [9, с. 80].

Несомненно, в работах Гуйе нашли отражение темы и решения, сохраняющие свое значение для современной эпохи. К таковым правомерно можно отнести идею своеобразия, исторической неповторимости философского опыта; внимание к элементу случайности в истории философии; анализ различных аспектов рационализирующей деятельности философа; концепцию своеобразного преломления в интегральном видении мира культурного наследия прошлого и индивидуального опыта; размышления о перспективах философии; соображения о критериях отличия философии от других наук; о многомерности проблемы прогресса в истории. С другой стороны, его теория с позиции современного опыта не выглядит завершенной, позволяющей уяснить, расставить акценты, истолковать доступное на сегодняшний день многообразие фактов в сфере интеллектуальной истории. Учение о двух важнейших источниках философии существенно сужает горизонт ее интерпретации. Очевидно, давление культурной среды только ими не ограничивается. Отвергая линейную схему развития философии, Гуйе фактически принимает идею самодостаточности интеллектуальной сферы, хотя и старается доказать, что только имманентная логика развития событий в истории философии неприменима. «Феноменология философского духа» оказывается неполна, она требует дополнений и корректировки.

Список литературы

1. *Gouhier H.* La philosophie et son histoire. Paris, 1944. 138 p.
2. *Gouhier H.* Les grandes avenues de la pensée philosophique en France depuis Descartes. Louvain ; Paris. 1966. 95 p.
3. *Gouhier H.* Note sur le progrès et la philosophie // Etudes sur l'histoire de la philosophie. Paris, 1964, pp. 111–114.
4. *Gouhier H.* La philosophie et ses publics // Revue de l'université de Bruxelles. 1973. № 3–4, pp. 329–342.

5. Gouhier H. Vision rétrospective et intention historique // *La philosophie de l'histoire de la philosophie*. Roma ; Paris, 1956. 207 p.
6. Gueroult M. *Dianoématique*. Livre I : 3 vol. Histoire de l'histoire de la philosophie. Paris, 1988. Vol. 3. 1088 p.
7. Chevalier J., Vieillard-Baron J.-L. Gouhier // *Encyclopédie philosophique universelle*: IV vol. Sous la dir. d'André Jacob. Vol. III/2. Les oeuvres philosophiques. Paris, 1992, pp. 2453–2454.
8. Leduc-Fayette D. Gouhier // *Dictionnaire des philosophes*. Paris, 2001, pp. 641–642.
9. Блауберг И. И. История философии и философия истории в концепции Анри Гуйе // *История философии*. 2012. № 17. С. 63–82.

Образец для цитирования:

Кротов А. А. Два источника философии (о концепции Анри Гуйе) // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 418–422. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-418-422.

The Two Sources of Philosophy (Henri Gouhier's Conception)

A. A. Krotov

Lomonosov Moscow State University
27/4, Lomonosovskiy ave., 119234, Moscow, Russia
E-mail: krotov@philos.msu.ru

In the article are analyzed the main positions of conception of the history of philosophy by Henri Gouhier, who was one of the leaders of French tradition in the research of the classical intellectual heritage. Examined the solutions to the problem of the essence of philosophy proposed by the French thinker, its main sources and regularities of its development. Touched on Gouhier's doctrine on the ways of rationalizing of reality, of the immediate prospects of philosophy, its relationship with language. Undoubtedly, in Gouhier's works were reflected the topics and solutions that preserve their value for the modern period. It is rightly to belong to them the idea of singularity, the historical uniqueness of philosophical experience; the attention to the element of chance in the history of philosophy; considerations about the criteria for distinguishing philosophy from other sciences; about the multidimensionality of the problem of progress in history. At the same time, the doctrine of the two most important sources of philosophy significantly narrows the horizon of its interpretation. Clearly, the influence of the cultural environment is not limited to just them. Rejecting the linear pattern of development of philosophy, Gouhier actually took the idea of self-sufficiency of intellectual sphere, although tried to prove that only the immanent logic of events in the history of philosophy is not applicable. Gouhier's «Phenomenology of the philosophic spirit» looks incomplete, it requires additions and corrections.

Key words: philosophy of the history of philosophy, nature of philosophy, Henri Gouhier, the problem of progress in philosophy, French philosophy of XX century.

Please cite this article in press as:

Krotov A. A. The Two Sources of Philosophy (Henri Gouhier's Conception). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, iss. 4, pp. 418–422. DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-418-422.

References

1. Gouhier H. *La philosophie et son histoire* (Philosophy and its history). Paris, 1944. 138 p.
2. Gouhier H. *Les grandes avenues de la pensée philosophique en France depuis Descartes* (The main lines of the development of philosophical thought in France since Descartes). Louvain; Paris, 1966. 95 p.
3. Gouhier H. Note sur le progrès et la philosophie (Note of the progress in philosophy). *Etudes sur l'histoire de la philosophie* (Studies in the history of philosophy). Paris, 1964, pp. 111–114.
4. Gouhier H. La philosophie et ses publics (Philosophy and its audience). *Revue de l'université de Bruxelles* (Journal of University of Brussels), 1973, no. 3–4, pp. 329–342.
5. Gouhier H. Vision rétrospective et intention historique (Retrospective vision and historical orientation). *La philosophie de l'histoire de la philosophie* (Philosophy of the history of philosophy). Roma; Paris, 1956. 207 p.
6. Gueroult M. *Dianoématique*. Livre I: 3 vol. (Dianoématique: in 3 vol. Book 1). *Histoire de l'histoire de la philosophie* (The history of the history of philosophy). Paris. 1988. Vol. 3. 1088 p.
7. Chevalier J., Vieillard-Baron J.-L. Gouhier (Gouhier). *Encyclopédie philosophique universelle*: IV vol. Sous la dir. d'André Jacob. Vol. III/2. Les oeuvres philosophiques (Universal philosophical encyclopedia. Ed. by A. Jacob. Vol. III/2. Philosophical works). Paris, 1992, pp. 2453–2454.
8. Leduc-Fayette D. Gouhier (Gouhier). *Dictionnaire des philosophes* (The dictionary of philosophers). Paris, 2001, pp. 641–642.
9. Блауберг И. И. *Istoriya filosofii i filosofiya istorii v kontseptsii Henri Gouhier* (History of philosophy and philosophy of history in Henri Gouhier's conception). *Istoriya filosofii* (History of philosophy), 2012, no. 17, pp. 63–82.